

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ ХХІ.

1912.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1914.

Къ матеріаламъ о якутскихъ сказкахъ.

Въ оправданіе отрывочности своихъ записей я могу прежде всего сослаться на то, что было высказано проф. Сумцовымъ въ предисловіи къ его «Этнографическимъ замѣткамъ» («Этнограф. Обозр.», 1889 г., кн. III, стр. 111).—«Ни одна отрасль знаній,—говоритъ профессор,—не представляетъ такого обилія мелкихъ и разрозненныхъ фактовъ и наблюденій, какъ этнографія... Предлагаемыя... этнографическія замѣтки... относятся, именно, къ мелкому или новому этнографическому матеріалу... Однѣ изъ этихъ замѣтокъ... не поддаются подробному спеціальному изслѣдованію; для широкой разработки другихъ нѣтъ подъ руками научныхъ пособій».

Но лично для меня существуетъ еще одно оправдывающее обстоятельство.

На почвѣ изслѣдованія якутской дѣйствительности до сихъ поръ еще слишкомъ мало работниковъ, чтобы спеціалистъ могъ со спокойною совѣстью отдаваться всецѣло и исключительно разработкѣ вопросовъ въ области излюбленнаго и наиболѣе знакомаго ему предмета. Антропологъ не можетъ рассчитывать на появленіе рядомъ съ нимъ этнографа, этнографъ — на появленіе юриста, и т. д. Нужно стараться поставить себя въ возможность наблюдать всѣ стороны общественнаго, частнаго, семейнаго быта якутовъ и неукоснительно все заносить на страницы своихъ записныхъ тетрадей. Но нельзя ждать отъ одного лица (за рѣдкими, хотя и возможными исключеніями) одинаково подробнаго и при томъ *научнаго* описанія всѣхъ сторонъ народнаго быта. По нѣкоторымъ вопросамъ результаты наблюденій отдѣльнаго лица будутъ принимать форму болѣе или менѣе законченныхъ изслѣдованій, по другимъ — форму отрывочныхъ записей. Въ предлагаемыхъ записяхъ я касаюсь по преимуществу такихъ фактовъ якутской дѣйствительности, на детальную научную разработку которыхъ меня не уполномочиваетъ моя подготовка.

Какъ извѣстно, у якутовъ письменности нѣтъ. Ихъ устное творчество можно подраздѣлить на *A, рѣчи*, произносимыя въ общественныхъ собраніяхъ оффиціального и полуоффиціального характера; *B, пѣсни*; *C, сказки* ¹⁾ и *D, рассказы*. Въ этотъ кругъ я не ввожу формулы шаманскихъ заклинаній, такъ какъ эти формулы, можетъ быть, удобнѣе отнести къ спеціально-религіозному творчеству.

Для неподготовленнаго читателя, вѣроятно, покажется страннымъ, что я обособляю въ самостоятельный отдѣлъ рѣчи, произносимыя якутами при различныхъ случаяхъ жизни. Но здѣсь я слѣдую отчасти традиціи. Многіе изслѣдователи обращали уже свое вниманіе на выдающіяся ораторскія способности якутовъ (Врангель, Щукинъ, Миддендорфъ, а за ними и кн. Костровъ — въ старыя времена и всѣ новѣйшіе наблюдатели). Я и самъ охотно

1) Отсюда выдѣляются *преданія* — *усках тыл*.

присоединилъ бы сюда свой голосъ (такъ какъ не разъ мнѣ приходилось заслушиваться якутскихъ ораторовъ), если бы я не былъ лишенъ возможности сравнить ораторскія способности якутовъ съ тѣми же способностями другихъ народовъ, стоящихъ на одной съ якутами ступени развитія. Но, говоря безотносительно, якуты — хорошіе ораторы, выработали особый колоритъ рѣчи, способны увлекаться и увлекать своихъ слушателей.

Якутскимъ пѣснямъ (ырыа), поскольку я успѣлъ съ ними непосредственно ознакомиться, мною посвящена особая статья: «Матеріалы для изученія якутской народной словесности» («Извѣстія Вост.-Сиб. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества», т. XXI, № 2 [1890]).

Два послѣдніе изъ перечисленныхъ выше вида якутскаго творчества отличны другъ отъ друга какъ по названію и внѣшнимъ признакамъ, такъ и по своему внутреннему содержанию.

Одинъ родъ повѣствованій называется олонхо. Повѣствованія эти отличаются въ извѣстномъ смыслѣ окаменѣлостью внѣшнихъ формъ, и передача и сохраненіе ихъ составляютъ достояніе отдѣльныхъ лицъ, весьма не густо разсѣянныхъ въ якутской средѣ; повѣствователь (олонхосут) обыкновенно получаетъ со слушателей небольшую плату (напримѣръ, по 3—5 коп. съ человѣка), или-же за спеціальное вознагражденіе приглашается рассказывать сказки въ домъ болѣе или менѣе зажиточнаго якута. Самое повѣствованіе передается рѣчью въ нѣсколько возвышенномъ тонѣ, а вставляемые чужія слова — пѣніемъ, при чемъ на характерѣ пѣнія отражается характеръ говорящаго лица, т. е. рѣчь смертной женщины — тоненькимъ голосомъ, рѣчь абасы — грубымъ басомъ, и т. д. (зародышъ драмы?). По своему внутреннему содержанию повѣствованія эти — якутскій эпосъ. Дѣйствующими лицами здѣсь являются герои болѣе или менѣе установившагося типа (изъ нихъ излюбленный — *äraidaḥ* буруйдаḥ *är* соботох, — въ вольномъ переводѣ: несчастный-злосчастный мужичокъ-бобылекъ), добрые и злые духи якутской мифологіи, а изъ историческихъ лицъ — Чыңыс-ханъ (Чингисъ-ханъ). Сказочники не отказываются сообщать свои сказки и русскимъ, даже зная, что сказки эти будутъ записаны; они соглашаются при этомъ говорить такъ, чтобы слушающему удобно было записывать. Но лично у меня не было средствъ, чтобы вознаграждать сказочниковъ за такого рода трудъ; да и моего знанія якутскаго языка было бы недостаточно для точной и быстрой передачи на бумагу этихъ сказокъ.

Впервые, насколько извѣстно, такая «сказка» очень удачно передана Уваровскимъ и транскрибирована ак. Böhtlingk'омъ (см. Otto v. Böhtlingk, «Ueber die Sprache der Jakuten»); ак. Middendorf, — начальникъ экспедиціи, въ *Труды* которой вошла и работа ак. Böhtlingk'a, — далъ съ своей стороны записъ якутскаго текста сказки (о Middendorff'овыхъ якутскихъ текстахъ — см. Э. К. Пекарскій, «Миддендорфъ и его якутскіе тексты», въ Запискахъ Вост. Отдѣленія Имп. Археол. О-ва, т. XVIII [1908]); нѣсколько другихъ записаны Э. К. Пекарскимъ и представлены въ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Имп. Рус. Геогр. Общ., но тогда не были напечатаны. Въ 1890 г. изданъ этимъ ученымъ обществомъ сборникъ, составленный И. А. Худяковымъ, подъ заглавіемъ: «Верхоянскій Сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пр.». Въ настоящее время якутскій текстъ записей Худякова издается Академіей Наукъ подъ редакціей Э. К. Пекарскаго при участіи В. М. Ионовъ. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перевода худяковскихъ записей В. Л. Приклонскій опубликовалъ («Живая Старина», 1891 г., вып. II—IV) свое собраніе якутскихъ сказокъ. У В. Л. Сѣрошевскаго также есть записи якутскихъ сказокъ. Затѣмъ тексты якутскихъ сказокъ опубликовывались Э. К. Пекарскимъ въ «Образцахъ народной литературы якутовъ», 6 выпусковъ, Спб., 1907—1913, изд. Имп. Акад. Наукъ. Наконецъ, послѣднимъ литературнымъ даннымъ въ этой области является «Олонхо», появившееся въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по изученію народной пѣсни и музыки», составляющихъ т. II-й *Трудовъ* Музыкально-Этнографической Комиссіи Императорскаго О-ва Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московск. У—тѣ (т. XVI-й *Трудовъ* Этнографич. Отдѣла этого Общества), стр. 288—292 (Москва, 1911). Послѣдняя записъ весьма интересна потому, что сдѣлана при посредствѣ фонографа, и поэтому въ лексическомъ отношеніи безупречна.

Къ сожалѣнію, переписана она совершенно варварской транскрипціей, а переводъ слишкомъ далекъ отъ текста ¹⁾.

Другой видъ творчества якутовъ называется по якутски кэпсэи («разсказъ»), хотя иногда и русскимъ словомъ «исторія», измѣненнымъ согласно законамъ фонетики якутскаго языка (устуоруја). Сохраненіе и передача этихъ разсказовъ не специализировались: у любого якута или якутки есть въ запасѣ нѣсколько подобныхъ разсказовъ, которые и эксплуатируются при случаѣ въ бесѣдѣ съ пріятелемъ или пріятельницей. Застывшихъ формъ въ передачѣ выраженій здѣсь нѣтъ, — стараются лишь точно передавать отдѣльныя частныя выраженія, почему-либо характерныя. Передаются эти разсказы сплошь рѣчью, и къ пѣнію при передачѣ чужихъ словъ не прибѣгаютъ. Сюжетомъ въ этихъ разсказахъ являются иногда совершенно обычные событія якутской жизни, героями — по большей части обыкновенные смертные. Сверхестественное выступаетъ на сцену лишь въ сравнительно скромныхъ границахъ ²⁾.

Олоҕхосутъ концентрируетъ въ себѣ творческую силу многихъ якутовъ не одного даже поколѣнія. Здѣсь нельзя пренебрегать точностью выраженій, ссылаясь на то, положимъ, что одинъ олоҕхосутъ передаетъ ту или другую подробность такъ, а другой — иначе. Различіе здѣсь можно назвать специальнымъ терминомъ «варіантъ», и, какъ таковой, занести его на бумагу. При этомъ, въ виду того, что ни одинъ переводчикъ не можетъ быть безусловно увѣренъ въ точности своего перевода, весьма важнымъ является записать и издать и самый текстъ. Отъ всего этого, мнѣ кажется, освобождается записываніе «разсказовъ». Различіе въ выраженіяхъ здѣсь опредѣляется индивидуальными особенностями передающаго разсказъ лица: оно не концентрируетъ въ себѣ настроенія массы. Въ виду этого я нашелъ возможнымъ не записывать якутскаго текста своихъ разсказовъ и сообщить ихъ въ вольной передачѣ, за исключеніемъ 2-го разсказа II-й части (онъ представляетъ дословный переводъ якутскаго текста) и такихъ выраженій въ другихъ разсказахъ, которыя мнѣ самому казались почему-либо характерными.

Я замѣтилъ выше, что недостатокъ средствъ на оплату труда профессиональных сказочниковъ и не вполне достаточное мое знакомство съ языкомъ помѣшали мнѣ записывать олоҕхо. Но это не рѣшаетъ, конечно, вопроса о допустимости записыванія кэпсэи. Въ самомъ дѣлѣ: представляютъ-ли научный интересъ исторіи, исторійки, разсказы и т. п., ходящіе въ самой толщѣ народа, рассказываемые иногда отъ нечего дѣлать, при самыхъ прозаическихъ обстоятельствахъ жизни, людьми неспециализировавшимися и неподготовленными, варіируемые, конечно, на тысячу ладовъ?

На этотъ вопросъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣчаю утвердительно. Среда, гдѣ ходятъ эти исторійки, и проявляющееся въ ней творчество — та лабораторія, гдѣ именно и вырабатывается настоящая олоҕхо, настоящій усаах тыл и т. п. Сами профессиональные олоҕхосуты, какъ и народные барды, не могутъ считаться свободными отъ вліянія этой среды (Веселовскій, Пыпинъ), какъ бы энергична ни была ихъ индивидуальная творческая сила. Это можно было бы подтвердить сопоставленіемъ даже мотивовъ записанныхъ мною разсказовъ съ мотивами настоящихъ олоҕхо и усаах тыл, вошедшихъ въ «Образцы», издаваемые Академіей Наукъ подъ ред. Э. К. Пекарскаго и В. М. Ионовъ (къ сожалѣнію, для такого сопоставленія у меня въ настоящую минуту нѣтъ времени). Съ другой стороны, творенія про-

1) Полная библіографія текстовъ (и переводовъ) якутскихъ сказокъ составлена для ред. «Живой Старины» Э. К. Пекарскимъ и печатается ниже. *Ред.*

2) Въ устуоруја, какъ кажется, долженъ фигурировать, въ качествѣ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, русский. — См. ниже, въ предварительныхъ замѣчаніяхъ ко 2-й статьѣ (по поводу спора о томъ, считать-ли данный разсказъ олоҕхо или кэпсэи). — По сообщенію г. Едемскаго (въ засѣданіи Этнографич. Отдѣленія Имп. Русск. Географич. Общества 7 декабря 1913 г.), у русскихъ сѣверныхъ губерній «исторіями» называются разсказы, въ которыхъ фигурируютъ, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, духовныя лица; — ср. 2-й и 4-й изъ приводимыхъ мною ниже разсказовъ I части.

фессіональныхъ пѣвцовъ и сказителей распространяются съ теченіемъ времени въ народной средѣ, своеобразно преломляясь въ послѣдней, въ зависимости отъ ея культурной «плотности» (Вс. О. Миллеръ о судьбѣ нашихъ былинъ), и потому изученіе ходячихъ разсказовъ представляется весьма важнымъ для познанія самой этой среды.

Такимъ образомъ, научное значеніе записыванія ходячихъ разсказовъ не подлежитъ сомнѣнію. Кто хочетъ прослѣдить развитіе литературныхъ мотивовъ не только во времени, но, такъ сказать, и въ пространствѣ, для того необходимо знакомиться и съ непретенціозными разсказами, ходящими въ толщѣ народа. Этимъ я руководился, издавая пѣсни непрофессіональныхъ пѣвцовъ (библіогр. указаніе см. выше), — этимъ же руководюсь и теперь, выпуская въ свѣтъ свои кѣпсѣн.

I. Кѣпсѣн.

1.

Надъ видимымъ небомъ есть еще одна страна (доіду — мѣсто, удобное для жительства)¹⁾; тамъ живутъ хара сылгыла̄х аб̄асылар (аб̄асылар, у которыхъ черный конный скоть)²⁾. — У одного ўтүө³⁾, б̄аі, м̄аны (знатнаго, богатаго, уважаемаго = почетнаго) человѣка была дочь, аб̄асы аңарда̄х (, въ существѣ которой заключалось наполовину аб̄асы [и наполовину человѣческое])⁴⁾. Она вышла однажды

1) Какъ извѣстно, якутская мифологія насчитываетъ всего девять небесъ. — На мои разспросы якуты подтверждали это, ссылаясь, однако, на то, что «такъ говорятъ шаманы», и въ свою очередь неоднократно спрашивали у меня, правда-ли это.

2) Аб̄асы — слово для общаго обозначенія якутскаго понятія о злыхъ сверхестественныхъ существахъ. Это понятіе далеко не покрывается русскимъ народнымъ представленіемъ о чортѣ (см. В. Ф. Трощанскій, Эволюція Черной вѣры у якутовъ, Казань, 1902, стр. 24—25 et pass.; Э. К. Пекарскій, Словарь якутскаго языка, вып. 1, стлб. 5—7; — и др.). — Ана-сылар — рше. отъ аб̄асы.

3) Значенія понятія ўтүө я касался мимоходомъ въ статьяхъ «Мотивы якутской дѣйствительности. II: Гостепріимство по обычаю» («Сибирская Газета», 1886 г., №№ 1 и 4), «Снѣгъ выпалъ!» («Сибир. Сборникъ» 1888 г., № 2) и «Фактическія отношенія въ средѣ якутской родовой общины» («Сибирскій Сборникъ», 1890 г., № 2). Болѣе подробно о «со-словности» среди якутовъ мною говорено въ сочиненіи «Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбіологіи права» (Прилож. къ Извѣстіямъ Вост.-Сиб. Отдѣла Имп. Рус. Географ. О—ва, стр. 34 и др.; — ср. В. Ф. Трощанскій, Наброски о якутахъ, Казань, 1911, стр. 140—142, и въ моей рецензіи на книгу Трощанскаго, въ «Жив. Старинѣ», кн. XXII (1913), стр. 228—229).

4) Наполовину естественное, наполовину неестественное существо играетъ въ воображеніи якутовъ довольно значительную роль. Такимъ существомъ можетъ быть и человѣкъ и животное. Происхожденіе его — зачатіе женщиною или самкою животнаго отъ аб̄асы. Всякое уродство въ теленкѣ считается признакомъ такого происхожденія. Рожденіе гдѣ-ни-будь подобнаго теленка вызываетъ зимою мятель, а лѣтомъ — вихрь (или сопровождается вихрь или мятель, — якуты спрашиваютъ: «что бы это было: шаманъ умеръ или корова отъ аб̄асы теленка родила? . . .»)

вечеромъ на дворъ за надобностью, по первому осеннему снѣгу, и долго не возвращалась. Родные пошли освѣдомиться, что съ нею. Сначала слѣды ея были обыкновенными человѣческими слѣдами, но дальше оказалось, что слѣды отъ ея обѣихъ ногъ отпечатлѣвались по снѣгу рядомъ, какъ будто она не шла, а прыгала, и, наконецъ, слѣды эти совсѣмъ теряются. Передъ тѣмъ какъ-разъ видѣли, что проѣзжалъ кто-то мимо дома въ саняхъ¹⁾ на черномъ конѣ. Изъ всего этого заключили, что это былъ хара сылгылӑх уола (обитатель страны абасылар съ чернымъ коннымъ скотомъ)²⁾, и онъ то и похитилъ дѣвушку, поднявшись съ нею вверхъ къ себѣ. Опечаленные родители позвали лучшаго шамана, просили его побывать въ странѣ абасылар съ чернымъ коннымъ скотомъ и вывести оттуда ихъ дочь. Шаманъ исполнилъ просьбу и былъ на небѣ. Но дѣвушка, вышедшая уже замужъ за обитателя страны абасылар съ чернымъ коннымъ скотомъ, не захотѣла возвратиться на землю, ссылаясь съ одной стороны на то, что «и здѣсь, — молъ, — пища — какъ пища, домъ — какъ домъ, — также пищу готовлю, шитье свое шью»³⁾, съ другой — на то, что ея возвращеніе принесетъ болѣзнь ея роднымъ, такъ какъ и теперь достаточно ей вспомнить про своихъ родныхъ, чтобы они заболѣли. Дала она шаману кольцо со своей руки, которое еще при жизни на землѣ носила (и которое, слѣдовательно, было извѣстно ея родителямъ), и одинъ волосъ изъ хвоста коня⁴⁾ своего мужа, и сдѣлала это для того, чтобы дать шаману возможность доказать, что онъ, передавая ея слова, говоритъ правду⁵⁾. — Несомнѣнно, дѣвушка эта была абасы аңардӑх, иначе, т. е. еслибы она была обыкновеннымъ путемъ зачата и рождена, не въ состояніи была-бы подняться на небо.

(Записано въ наслегѣ Ötöhtü Баягантайскаго улуса 13 января 1887 г.).

1) Якутскій національный способъ передвиженія на лошадяхъ — верховая ѣзда. Въ той мѣстности, гдѣ записанъ рассказъ, всего лѣтъ 20 передъ временемъ записыванія стали приучать коней къ санямъ. Немудрено было тогда встрѣтить старика - якута или якутку, которые ни разу не ѣздили въ саняхъ, запряженныхъ конемъ.

2) Буквально: «сынъ (абасы), имѣющаго чернаго коня», точно такъ-же какъ нүчча уола («сынъ русскаго») значитъ *русскій*, или саха уола («сынъ якута») значитъ *якутъ*. Здѣсь сказываются патронимизмъ и родовыя понятія.

3) Обычная формула для обозначенія «домашности» и женскихъ занятій.

4) Длина хвоста — 30 былас'овъ (былас — около сажени) и волосъ — четырехъ-гранный. — Эти подробности я узналъ въ послѣдствіи.

5) Обыкновенный способъ заставить вѣрить тому, что говоритъ мой посланный по моему порученію. Очень часто при этомъ передается посланному именно кольцо съ руки; староста передаетъ, напр., свой поясъ съ портупеею для кортика (якутскимъ старостамъ и головамъ было присвоено Екатериною II право носить кортики).

2.

Говорятъ, была на свѣтѣ въ былыя времена монахиня. Пошла она въ церковь. На церковной паперти встрѣчаетъ ее нищій и говоритъ: «я сейчасъ умру; я хочу вступить съ тобой передъ смертью въ плотскую связь». Монахиня отвѣчала: «какъ же мнѣ вступить съ тобою въ плотскую связь, когда я — монахиня?» Сказавши это, она хотѣла идти дальше; но нищій опять остановилъ ее и говоритъ: «прошу тебя, сдѣлай, какъ я говорю!» Монахиня повторила свой отказъ и вошла въ церковь. Но едва лишь она вошла, какъ всѣ свѣчи въ церкви моментально погасли. Замѣтивъ это, священникъ обратился къ присутствовавшимъ съ замѣчаніемъ: «кто-нибудь изъ васъ сотворилъ великій грѣхъ, иначе свѣчи не погасли-бы. Пусть каждый изъ васъ поочередно выходитъ изъ церкви: такимъ образомъ мы узнаемъ, изъ-за чьего грѣха свѣчи погасли». Стали выходить поочередно всѣ, за исключеніемъ монахини, но свѣчи не загорались. Наконецъ, священникъ обратился и къ монахинѣ съ просьбой выйти на минуту изъ церкви. Едва лишь монахиня вышла, какъ свѣчи опять загорѣлись. Тогда подозвалъ священникъ къ себѣ монахиню и спросилъ: «ну, скажи же мнѣ, что ты сдѣлала преступнаго?» — «Ничего я не сдѣлала преступнаго, мой отецъ [обычное обращеніе якутовъ къ священнику], а вотъ развѣ нищій только-что просилъ меня вступить съ нимъ въ плотскую связь, и я отказалась». — «Такъ пойдѣ же посмотри, что случилось съ этимъ нищимъ!» — Монахиня пошла. Оказалось, что нищій умеръ. Она возвратилась и сказала о томъ священнику. — «Въ этомъ — твой грѣхъ, — сказалъ священникъ; — развѣ ты не знаешь, что сказано въ священномъ писаніи? «Умиращаго поддержи!»¹⁾ сказано... Надо было тебѣ сдѣлать такъ, какъ просилъ тебя умирающій нищій».

(Записано въ Кыаѣгыгынскомъ родѣ, Ботурусскаго улуса, въ февралѣ 1890 г.).

Какъ матеріалъ для комментарія къ этому разсказу, я могу сообщить, что якуты крещены окончательно лишь 3—4 десятка лѣтъ передъ временемъ записанія разсказа и что о безбрачій они не слышали до тѣхъ поръ, пока не познакомились съ уставомъ православной церкви о монашествѣ. Вынужденное безбрачіе, которое можно встрѣтить среди якутовъ въ видѣ исключенія, считается у нихъ несчастьемъ.

3.

У пашеннаго (крестьянина) было два коня и дочь. Около него жилъ очень богатый якутъ. Однажды якутъ приходитъ къ пашенному въ гости. Пашенный приказываетъ своей дочери наварить мяса для угощенія. Та не хочетъ. За это пашенный удушаетъ

1) «Olõn ärärin örüsül»

дочь, — такъ хватаетъ ее за горло, что у ней кровь выступаетъ вокругъ шеи, и она умираетъ. Якутъ испугался. Послѣ этого пашенный беретъ въ руки «пеструю (äriän) талину» и начинаетъ ею стегать свою дочь. Та оживаетъ. — *Якутъ*. «Догоръ (обычное якутское слово обращенія; буквально: *товарищъ*), за сколько бы ты мнѣ продалъ эту талину?» — *Пашенный*. «Если человѣкъ умретъ, то я этою талиною его оживляю. Какъ же мнѣ ее продать?» — *Як.* «Да вѣдь за большую цѣну продашь, если будешь продавать». — *Паш.* «Пожалуй, за 1 мѣшокъ денегъ [т. е. за 100 руб.] продамъ». — Якутъ покупаетъ. Его сынъ въ сердцахъ убиваетъ свою жену, послѣ чего пробуетъ воскресить ее, стегая купленной талиной. Та не воскресаетъ. Обращаются къ пашенному. Тотъ говоритъ: «вы что-нибудь сдѣлали съ моей талиной, — оттого она не оживляетъ. Ужъ купили, — теперь ваше дѣло».

Въ дѣйствительности, пашенный нанизывалъ на нитку брусничныя ягоды и надавливалъ этою ниткою на шею дочери. Выступающій сокъ брусники якутъ принималъ за кровь. Словомъ, якута пашенный надувалъ: онъ и не думалъ убивать своей дочери.

Одинъ изъ коней пашеннаго мочился шелковыми матеріями: то желтой, то красной, то голубой [или зеленой; въ якутскомъ языкѣ цвѣта: зеленый, голубой и синій не различаются по названію]. Тотъ же якутъ, его сосѣдъ, позарился на этого коня и говоритъ: «продай!» — *Паш.*: «Какъ же мнѣ продать, когда я кормлюсь этимъ конемъ[, продавая шелковыя матеріи]?» — *Як.*: «За большую цѣну продашь, если будешь продавать». — *Паш.* «Пожалуй, за милліонъ продамъ»¹⁾. — «*Як.* «Я дамъ и милліонъ; только ты въ моемъ присутствіи заставь своего коня помочиться». Пашенный вывелъ своего коня, и тотъ дѣйствительно помочился шелковой матеріей. Якутъ коня беретъ; но у него конь мочится обыкновенною конскою мочою и никакого шелку не приноситъ. Якутъ обращается къ пашенному съ укоромъ. — *Паш.* «Да вѣдь въ твоемъ присутствіи я заставлялъ коня мочиться, и онъ мочился шелкомъ. Ты его взялъ послѣ того, какъ видѣлъ, что онъ мочится шелкомъ. Вы что-нибудь сдѣлали съ конемъ, что онъ теперь не мочится у васъ шелковыми матеріями. Теперь ужъ ваше дѣло».

[Обманъ для рассказчицы остается невыясненнымъ. Предполагается колдовство (ап). Другой конь пашеннаго ничѣмъ не замѣчателенъ].

(Записано въ Кыаыгы'скомъ родѣ Ботурускаго улуса, въ іюнѣ 1890 г.).

Можетъ быть, въ этомъ рассказѣ слѣдуетъ видѣть намекъ на вліяніе русскихъ въ дѣлѣ образованія якутскаго договорнаго права.

1) Употреблено безъ пониманія точнаго значенія этой цифры.

4.

Жиль-быль, говорятъ, попъ, которому полагается носить черную одежду (хара таңастах) [т. е. вдовецъ]; у него было двѣ дочери. Жиль онъ вдали отъ сосѣдей, и потому у него бывало много ночевщиковъ. Однажды къ нему заѣхалъ проѣздомъ на ночлегъ үтүө бәи маны кісі (знатный, богатый, уважаемый человекъ¹⁾) со слугою. Долго они бесѣдовали, ѣли, пили и, наконецъ, разошлись спать. Слуга спрашиваетъ у пона, откуда взять сѣна, — то-ли для корма лошадямъ, то-ли для подстилки подъ себя. Попъ указываетъ ему стоящіе вдали три стога запаснаго сѣна и приказываетъ взять изъ ближайшаго; но слуга пошелъ къ дальнему стогу. Когда онъ началъ огребать стогъ, то замѣтилъ, что подъ стогомъ — яма, гдѣ навалено множество человѣческихъ труповъ съ отрубленными головами, и головы — тутъ же. Слуга испугался. Онъ захватилъ съ собою одинъ трупъ и голову и уложилъ его неподалеку отъ своего господина, приставивши голову къ туловищу и прикрывши своимъ одѣяломъ такъ, что только глаза были видны. Послѣ этого онъ вошелъ въ избѣ и сказалъ попу, что будетъ спать рядомъ со своимъ господиномъ. Попъ говоритъ: «ладно!», а слуга уходитъ въ дѣйствительности спать подъ стогъ. Наутро попъ выходитъ изъ своего дома и натачиваетъ плотничій топоръ (тәрәх чохорон сүгә), наточивши, рубить голову спящему якуту, который вздрагиваетъ, а затѣмъ, думая, что рядомъ съ послѣднимъ спитъ слуга, — и трупу, но такъ какъ это былъ трупъ съ раньше отдѣленною отъ туловища головою, то голова просто отскакиваетъ. Попъ восклицаетъ: «Сә(hä)!.. саңарбатах әбіт әбә-әт» [трудно передаваемо; приблизительно: «ага!.. и не шелохнулся», хотя саңар буквально значить не *шелохнуться*, а *издавать звукъ*]. Послѣ этого попъ приказалъ своимъ дочерямъ отнести трупы въ яму, что около стога. Исполняя это порученіе, дочери натыкаются на слугу убитаго, который отъ нихъ прячется. А когда послѣ попъ ушелъ служить обѣдню, то слуга оповѣщаетъ сосѣдей, пона схватываютъ и везутъ въ управу.

(Записано въ Кыягыгый'скомъ родѣ, Ботурусскаго улуса, въ іюнѣ 1890 г.).

5.

Жиль-быль, говорятъ, старикъ со старухою; у нихъ было двѣ дочери. Каждый день старикъ ставилъ 4 петли на зайцевъ и добывалъ 4-хъ зайцевъ, такъ что на cadaго человека приходилось по одному зайцу. Однажды старикъ говоритъ старухѣ:

1) См. примѣч. 3-е на стр. 452.

«я позову съ собой дочерей, когда пойду осматривать петли, подь предлогомъ, чтобы онѣ насобирали ягодъ, и заплутаю ихъ въ лѣсу; тогда намъ съ тобой прійдется по два зайца». Старуха одобрила планъ. Старикъ такъ и сдѣлалъ. Ничего не подозрѣвающихъ дѣвушки пошли за старикомъ; онѣ послали ихъ по ягоды, самъ скрылся и на ихъ призывы не откликался. Но онѣ увидѣли на пнѣ одежду отца и сказали себѣ: «а! одежда отца здѣсь, значить и онъ долженъ быть близко».

Однако, на этотъ разъ изъ 4-хъ петель двѣ остались пустыми, и старику со старухой все-таки досталось по одному зайцу.

Блуждая по лѣсу, дѣвушки встрѣчаютъ желѣзную юрту, въ желѣзной юртѣ — желѣзная колыбель, въ желѣзной колыбели — [желѣзный?] ребенокъ. Старшая дочь была на половину абасы (абасы аңардāх) [см. прим. 4-ое на стр. 452]. Она начинаетъ качать колыбель и нянчить ребенка... Дѣвушки уходятъ опять по ягоды; но младшая дочь смекаетъ, что желѣзный ребенокъ — абасы, и потому прячется и наблюдаетъ. Вскорѣ ребенокъ восклицаетъ: «желѣзная люлька, развяжись!... желѣзная люлька, развяжись!...» — Люлька развязывается. Ребенокъ встаетъ и изъ репіс'а вытаскиваетъ рыбу, которую и варитъ въ горшкѣ. Приставивши горшокъ къ огню, ребенокъ ложится опять на свое мѣсто и кричитъ: «желѣзная люлька, завяжись!...» [2 раза]. — Люлька завязывается. — «Желѣзная люлька, колышья (бігән)!...» [2 раза]. — Люлька колышется. — «Оба мои глаза, сомкнитесь (іккі харах нūr-нūr)!...» [2 раза]. — Засыпаетъ. Младшая дочь удалась и соединяется со своей сестрой. Набравши ягодъ, обѣ возвращаются въ желѣзную юрту. Старшая дѣвушка начинаетъ ѣсть рыбу, младшая не хочетъ и ѣсть собранныя ягоды. Старшая приглашаетъ младшую, но послѣдняя уговариваетъ и старшую не ѣсть: «миленькая моя сестричка (старшая), не ѣшь, — пожалуйста, не ѣшь!» Но та не слушается и ѣсть.

Выйдя изъ желѣзной юрты, дѣвушки приходятъ къ смертной старухѣ и просятъ указать имъ дорогу домой. Старуха указываетъ имъ дорогу и говоритъ: «дальше дорога раздѣлится; вамъ надо идти на востокъ, а на западъ не ходите». Идутъ дѣвушки по указанной дорогѣ, но когда дошли до раздѣла дорогъ, то старшая направляется на западъ. Куда же ей и идти?... вѣдь, она сама — наполовину абасы... Младшая дѣвушка уговариваетъ старшую: «миленькая моя (старшая) сестричка, пойдемъ на востокъ, — пожалуйста, на востокъ пойдемъ!...» Но старшая не слушаетъ и идетъ на западъ. Младшая не хочетъ разстаться съ сестрой и слѣдуетъ за послѣдней. Приходятъ они опять къ желѣзной юртѣ, у которой нѣтъ ни оконъ, ни дверей, — никакого отверстія. Старшая произноситъ заклинаніе: «пусть я сдѣлаюсь такой маленькой, какъ частичка опилковъ отъ иглы или шила (інjä бургас алыта буолум)!\», — и обѣ очутились въ юртѣ. Тамъ оказывается настоящая абасы кыса (букв.: дочь абасы), не абасы

аңардāх]. Она уходит осмотрѣть свои верши, но приносит не рыбу, а пѣвock и другой «мерзости», которая обыкновенно попадаетъ въ верши вмѣстѣ съ рыбою. Младшая дочь испугалась и кричитъ: «[то же заклинаніе]!», благодаря чему оказывается внѣ юрты. Начинаетъ звать сестру: «миленькая моя (старшая) сестрица, скажи: «(заклинаніе)!» Та не хочетъ, но высовываетъ голову. Младшая, чтобы вытащить сестру, начинаетъ тянуть ее за голову; но голова отрывается. Голову младшая сестра уноситъ съ собою, а туловище абасы кѣса съѣдаетъ. Младшая дочь продолжаетъ блуждать по лѣсу и бросаетъ голову сестры подъ лиственницу. Подходить къ озеру, на озерѣ — островъ, на островѣ — сидитъ прекрасная женщина, которая занята шитьемъ украшенія для обуви при помощи прекраснаго бисера и прекрасныхъ металлическихъ бляшекъ. Женщина эта зоветъ дѣвушку, но послѣдняя не идетъ: она узнала, что женщина эта — абасы'ская сущность ея старшей сестры [или двойникъ? — абасын абасыта]: вѣдь та была абасы аңардāх....

Дальнѣйшая судьба блуждающихъ дѣвушекъ рассказчицѣ неизвѣстна.
(Записано на оз. Чурапча въ іюнѣ 1890 г.).

II. Переходъ отъ кѣпсѣн къ олоңхо.

Когда я, выслушавши приводимыя ниже произведенія якутской словесности, спросилъ, слѣдуетъ ли ихъ отнести къ разряду олоңхо, — между рассказчиками возникъ по этому поводу споръ. Одни говорили, что это — настоящая олоңхо потому, что разговоръ долженъ быть передаваемъ пѣніемъ и что (NB) здѣсь нѣтъ русскаго элемента. Нѣкоторые же изъ присутствовавшихъ полагали все-таки, что это скорѣе — кѣпсѣн.

Уже одно это заставляетъ поставить два приводимыхъ рассказа на границѣ между олоңхо и кѣпсѣн. Но есть еще два другихъ обстоятельства.

Передача настоящей олоңхо со всѣми подробностями несомнѣнно возможна лишь для олоңхосут'а. По своимъ размѣрамъ, по формѣ и по запутанности сюжета, олоңхо требуетъ отъ рассказчика особаго напряженія памяти, спеціальнаго навыка въ дѣлѣ передачи и особенной ловкости въ построеніи рассказа. Между тѣмъ, для лицъ, отъ которыхъ я слышалъ ниже приводимые рассказы (одна версія перваго рассказа принадлежитъ женщинѣ 25 лѣтъ, другая — мальчику 12 лѣтъ), не представляло, повидимому, никакихъ трудностей — тщательно передать мнѣ свои рассказы съ сохраненіемъ типичныхъ выраженій. Было очевидно, что, при случаѣ, лица эти расскажутъ свои «исторіи» и не русскому для спеціальной цѣли, но и въ средѣ якутовъ, для общаго увеселенія, не будучи, при этомъ, профессиональными сказочниками.

Другое обстоятельство касается лишь перваго изъ приводимыхъ рассказовъ. Читатели замѣтили, что 5-ый рассказъ изъ ранѣе приведенныхъ какъ бы распадается на двѣ самостоятельныя части: въ первой изъ нихъ рассказывается, какъ старикъ со старухой, пожадничавъ, рѣшили удалить двухъ своихъ соѣдоковъ, заплутавъ ихъ въ лѣсу, но именно на этотъ разъ вмѣсто 4-хъ зайцевъ добыли только двухъ и такимъ образомъ остались при прежнемъ зайцѣ на человѣка. Въ дальнѣйшемъ рассказъ уже не возвращается къ старику и старухѣ, и вторая часть его представляетъ самостоятельное повѣствованіе о походе двухъ дѣвушекъ въ лѣсу. Двѣ эти части связаны между собою чисто случайнымъ обстоятельствомъ: блуждающія съ разными приключеніями въ лѣсу дѣвушки являются именно тѣми двумя дочерьми старика и старухи, первоначальная роль которыхъ, повидимому, заключалась лишь въ

томъ, чтобы на одинъ день отсутствовать изъ дома родителей. Первый изъ приводимыхъ ниже рассказовъ представляетъ собою болѣе обстоятельную разработку мотива о заблудившихся дѣвушкахъ въ лѣсу, и лишь въ одной ея версіи (худшей) говорится, что родители этихъ дѣвушекъ умерли; въ другой о родителяхъ ничего не упоминается. Но приводимый теперь рассказъ по своему построению, по своей законченности и по разработкѣ подробностей стоитъ сравнительно высоко; спрашивается, можно ли его отнести къ разряду олоѣхо? — Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: скорѣе это лишь переходная форма отъ кайсѣн къ олоѣхо.

Къ болѣе тщательному изслѣдованію мотива о заблудившихся двухъ дѣвушкахъ я былъ побужденъ, во-первыхъ, естественно, тѣмъ, что приведенный выше рассказъ переданъ мнѣ безъ окончанія, а во-вторыхъ — вышеуказаннымъ обстоятельствомъ, т.-е. страннымъ соединеніемъ въ одномъ рассказѣ двухъ самостоятельныхъ мотивовъ. Я началъ разспрашивать интеллигентную якутку, М. Н. Андросову, которая передала мнѣ повѣствованіе на якутскомъ языкѣ. Присутствовавшій при этомъ мальчикъ 12 лѣтъ, Николай Слѣпцовъ, довольно развитой школьный ученикъ, замѣтилъ нѣкото рых неточности (съ точки зрѣнія извѣстнаго ему варианта) и, по моей просьбѣ, вновь рассказалъ его мнѣ по-русски. Я записалъ рассказъ съ его словъ, въ скобкахъ обозначая версіи и вставки М. Н. Андросовой.

Что касается другого рассказа, то онъ былъ записанъ для меня тогда же товарищемъ Н. Слѣпцова, Ѳедотомъ Андросовымъ, 10—11 лѣтъ, по его собственной инициативѣ, на якутскомъ языкѣ (транскрипція, по Бѣтлингку, принадлежитъ самому Ѳ. Андросову и лишь исправлена его тогдашнимъ школьнымъ учителемъ, изслѣдователемъ якутскаго быта В. М. Ионовымъ). Нѣкоторыя поправки внесены тѣмъ же Н. Слѣпцовымъ. Переводъ (дословный) принадлежитъ мнѣ.

1.

Двѣ дѣвушки пошли въ лѣсъ по ягоды и заблудились [*верс. М. А.*: жили-были двѣ дѣвушки¹⁾], отецъ у нихъ умеръ; онѣ пошли въ лѣсъ по ягоды и заблудились]. Идя вдоль рѣки, онѣ находятъ два камня: одинъ — черный, другой — бѣлый. Старшая дочь беретъ черный камень и хочетъ его воспитать; младшая подняла бѣлый. Старшая говоритъ: «возьмемъ лучше черный камень»! [*верс. М. А.*: камень — одинъ, но похожъ по формѣ на человѣка; выбора, слѣдовательно, нѣтъ]. Дѣвушки жили въ домикѣ, временно выстроенномъ охотникомъ за зайцами и теперь брошенномъ на произволъ судьбы. Принеся къ себѣ домой камень, дѣвушки дѣлаютъ для него каменную колыбель [*въ версіи М. А.* желѣзную? — см. ниже]. Камень постепенно превращается въ ребенка, растетъ, и старшая дочь за нимъ ухаживаетъ [нянчить его — *оболур*]. Дѣвушки продолжаютъ ходить по ягоды и ими питаются. Но однажды онѣ возвращаются изъ лѣсу и находятъ у себя въ домѣ печеную рыбу [*вставка М. А.*: дѣвушки дѣлаютъ себѣ горшокъ для варки рыбы]. Чтобы обнаружить, откуда берется у нихъ въ домѣ рыба, младшая превращается въ кусочекъ коры съ дерева, залѣзаетъ въ

1) Выраженію русскихъ сказокъ «жилъ-былъ» въ якутскомъ языкѣ соответствуетъ *бар үсү* — «говорятъ, что есть...»

трещину бревна въ юртѣ и наблюдаетъ. Предполагая, что онъ одинъ въ юртѣ, ребенокъ кричитъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру¹⁾ обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую²⁾, то пусть завязки моей колыбели развяжутся!» [*верс. М. А.*: «пусть желѣзная колыбель развяжется! пусть желѣзная колыбель развяжется!»]. — Завязки развязываются. Ребенокъ продолжаетъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, то пусть на очагѣ огонь запылаетъ!» — Въ каминѣ загораются дрова. — Ребенокъ опять кричитъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, то пусть изъ моего рта выйдетъ рыба!» — Ребенокъ беретъ при этомъ мутовку и вертитъ ее во рту, — что вызываетъ у него рвоту: онъ рветъ рыбой. — «Если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, то пусть рыба нанизается на рожонъ!» — Рыба нанизывается на рожонъ. — «Если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, то пусть рыба испечется!» — Рожонъ съ рыбой втыкается въ подъ очага, и рыба печется у огня. Когда рыба испеклась, ребенокъ кричитъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, — пусть рожонъ съ рыбой очутится на полкѣ!» — Когда и это его желаніе исполнилось, тогда онъ ложится въ колыбель и восклицаетъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, пусть завязки моей колыбели завяжутся!» — Завязки завязываются. Ребенокъ продолжаетъ: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую, то пусть моя колыбель колышется!» Колыбель колышется [*въ версіи М. А.*, которая не употребляла при каждой фразѣ предложенія: «если дѣйствительно должно такъ случиться, что я пожру обѣихъ сестеръ — и старшую и младшую», въ этомъ мѣстѣ заключительный возгласъ ребенка: «пусть одинъ глазъ закроется! пусть другой глазъ закроется!»³⁾]. — Такимъ образомъ ребенокъ засыпаетъ.

Возвращается старшая дѣвушка [, а въ то же время младшая опять принимаетъ

1) Абасы пожираетъ людей и скотъ; отъ этого проистекаютъ, между прочимъ, и болѣзни (если абасы ѣсть-точить-грызетъ какую-нибудь отдѣльную часть тѣла). Ниже выраженіе «пожирать» употребляетъ и Бѹра Дохсунъ. Въ якутскомъ языкѣ для обозначенія понятій «ѣсть» и «пожирать» существуетъ только одно слово; то же слово примѣняется и къ уничтоженію какихъ-нибудь предметовъ огнемъ.

2) Подлинникъ этой фразы: «абаас балыс іккіні сіябимъ буолабына...»

3) «Бір харахъ нѹр-нѹр! іккі харахъ нѹр-нѹр!» — Въ обыкновенномъ разговорѣ я никогда не встрѣчалъ выраженія нѹр-нѹр; глаголь нѹраі — дремать, засыпать. — Ср. «глазокъ, усни! другой, усни!» русскихъ дѣтскихъ сказокъ.

свой видъ?]. Старшая ѣсть рыбу, младшая дѣлаетъ видъ, что ѣсть, а въ дѣйствительности опускаетъ рыбу за пазуху, и рыба падаетъ на полъ. Дѣвушки [переговори́въ?] рѣшаютъ, что ребенокъ, котораго они воспитали, — абасы, и хотятъ его убить. Для этой цѣли онѣ накаляютъ горшокъ до-красна, накрываютъ имъ абасы, а сами убѣгаютъ. Горшокъ разлетается на абасы вдребезги, но части его пристають къ абасы, который въ такомъ видѣ пускается вдогонку за убѣгающими дѣвушками [вставка М. А.: и пошелъ по лѣсу шумъ отъ бѣга абасы и его крики — страсть!]. Дѣвушки все бѣгутъ вдоль рѣки и видятъ на той сторонѣ старуху. Онѣ закричали старухѣ: «перевези насъ!» — Та отвѣчаетъ: «я еще коровъ не доила». Принимается за доеніе своихъ коровъ. Тѣ опять кричатъ: «перевези насъ!» — «Я еще молоко свое не поставила [въ погребъ]!» — Ставить молоко. — «Перевези насъ!» — «Я еще чаю не пила!» — Варить себѣ чай. — «Перевези насъ!» — Но старуха, не торопясь, пьетъ чай, а между тѣмъ абасы готовъ настигнуть дѣвушекъ. — «Перевези насъ!» — Наконецъ, старуха протягиваетъ черезъ рѣку свою ногу, и по этой послѣдней дѣвушки перебираются на ту сторону, какъ по мосткамъ. Въ ту же минуту прибѣгаетъ абасы и требуетъ отъ старухи, чтобы та и его переправила. Старуха опять протягиваетъ ногу; но когда абасы достигъ середины рѣки, старуха свою ногу отдергиваетъ, и абасы тонетъ въ рѣкѣ [верс. М. А.: дѣвушки кричатъ: «тѣтенька, перевези!» — «Я еще не надѣла натазника». — «Тѣтенька, перевези!» — «Я еще не надѣла наколѣнниковъ (, которые привязываютъ къ натазнику)». — «Тѣтенька, перевези!» — «Я еще коровъ не доила». — Наконецъ, старуха протягиваетъ ногу, которая превращается въ золотой мостокъ для перехода черезъ рѣку. — Абасы погибаетъ такъ же, какъ и въ версіи Н. С. — М. А. отрицаетъ упоминаніе о чаѣ]. Между тѣмъ, дѣвушки продолжаютъ свой путь и приходятъ къ желѣзной юртѣ, у которой рубить дрова абасы кѣса съ одной рукой и одной ногой [въ версіи М. А. подробности относительно ногъ и рукъ нѣтъ]. — «Вы что за-люди?» спрашиваетъ та. — «Мы заблудились въ лѣсу». — «Идите ко мнѣ, поживите, пошейте мнѣ!»¹⁾ Она открываетъ дверь и вводитъ дѣвушекъ въ домъ. Здѣсь она даетъ своимъ посѣтительницамъ шитье и черезъ нѣкоторое время удаляется въ чуланъ. Слышно, какъ она тамъ рѣжетъ мясо [по версіи М. А., даже извѣстно, что она отрѣзываетъ мясо у людей, — то отъ одной части тѣла, то отъ другой²⁾]. Оттуда раздаются голоса: «если

1) Обыкновенный способъ обращенія хозяекъ дома съ посѣтительницами, стоящими, по своему общественному положенію, ниже хозяйки: тѣхъ, что получше, заставляютъ иногда шить, кто похуже, — тѣхъ могутъ заставить вымать кожу, и т. п. — Объ этомъ см. мою статью «Гостепріимство по обычаю», «Сибирская Газета» 1886 г., №№ 1 и 4, а также прим. 3-е на стр. 453.

2) Этотъ эпизодъ допускаетъ предположеніе, что якуты иногда даютъ и обиходное толкованіе выраженію «абасы ѣсть».

сегодня ты такъ много берешь мяса, то чѣмъ же будешь кормить другихъ гостей?» — Накормивъ дѣвушекъ, абасы кѣса вводятъ ихъ въ чуланъ¹⁾ и тамъ запираетъ. Въ чуланѣ оказывается множество людей. Страшась за свое будущее, младшая дѣвушка прокалываетъ въ стѣнѣ шиломъ дырочку и лѣзетъ сквозь нее [*верс. М. А.*: младшая дѣвушка не прокалываетъ въ стѣнѣ отверстія, а лишь восклицаетъ: «пусть я сдѣлаюсь такой маленькой, какъ частичка опилковъ отъ иглы или шила!» (2 раза)²⁾, путемъ произнесенія этого заклинанія дѣйствительно дѣлается пылинкой и пролѣзаетъ въ ничтожное отверстіе]. Старшая также вылѣзаетъ; но когда голова ея была уже наружи, она вдругъ кричитъ: «пусть меня раздуетъ горой! пусть я сдѣлаюсь такой большой, какъ легкое или шея животнаго!»³⁾ Моментально она начинаетъ раздуваться и, благодаря этому, застреваетъ въ отверстіи, черезъ которое хотѣла выйти наружу. Чтобы помочь горю, младшая начинаетъ тянуть сестру за голову; но голова отрывается и остается въ рукахъ младшей дѣвушки. Взявъ съ собою голову, дѣвушка удаляется. По пути она вѣшаетъ голову на лиственницу; голова плачетъ. Тогда дѣвушка перевѣшиваетъ голову на березу; голова продолжаетъ плакать. Наконецъ, дѣвушка вѣшаетъ голову на дерево, разбитое молніей; только тогда голова успокаивается [*въ верс. М. А.* этой подробности нѣтъ: дѣвушка сразу же вѣшаетъ голову на низкую развѣсистую лиственницу]. Продолжая путь, дѣвушка подходитъ къ серебряной юртѣ, входитъ въ нее, но никого тамъ не видитъ. Когда она уже хочетъ выходить⁴⁾, изъ юрты раздается окликъ (*нѣнѣ*)⁵⁾: «ты что за женщина?» — «Я — заблудившаяся въ лѣсу дѣвушка». — Оказывается, что въ юртѣ сидитъ лягушка. Последняя продолжаетъ (*нѣнѣ*): «Не уходи, поживи у меня, пошей мнѣ платье для моего мужа»⁶⁾. Дѣвушка соглашается остаться и принимается за шитье. Шитья оказывается много. Окончивши работу, дѣвушка вѣшаетъ готовое совсѣмъ платье на колышекъ высоко къ потолку [*верс. М. А.*: дѣвушка не пришиваетъ завязокъ у платья, которое просто куда-то кладетъ]. Лягушка заставляетъ якутку залѣзть въ кожаный мѣшокъ, завязываетъ ее тамъ, оставляя отверстіе для глазъ, и кладетъ мѣшокъ съ якуткою на лавку. Приходитъ мужъ лягушки (якутъ) и спраши-

1) Русскимъ словомъ «чуланъ» якуты называютъ часть юрты, отгороженную досками.

2) *Иңя бургас алыта буолум!* — См. выше, рассказъ 5-й.

3) *Көппөйүм-саппајым, тыңа сэл буолум!* (аздуваться горой) — образное выражение понятія *көппөй*; буквально: «сильно увеличиваться въ объемѣ». *Саппај*: выражение (презрительное) *саппаја сытыјан* употребляется въ примѣненіи къ неуклюжему человѣку.

4) Обычай требуетъ, чтобы случайно зашедшій въ юрту посѣтитель, не найдя въ домѣ никого, тотчасъ же вышелъ на дворъ.

5) Какъ здѣсь, такъ и ниже, я не передавалъ пѣнія въ подлинныхъ выраженіяхъ съ украшеніями въ якутскомъ вкусѣ: я держался только сущности.

6) См. примѣчаніе 1-е на предыдущей страницѣ.

ваетъ жену: «окончила-ли ты шить мое платье?» — Та отвѣчаетъ: «окончила!» — «А ну, покажи-ка!» — Лягушка ставитъ табуретку на табуретку, сверху опять табуретку, и пытается достать платье. Когда ей это все-таки не удается, она подпрыгиваетъ, платье все же не достаетъ и, падая на землю, расшибается¹⁾. Изъ этого мужъ лягушки заключаетъ, что не она ему шила платье, и допрашиваетъ жену, кто здѣсь былъ [*верс. М. А.*: мужъ заставляетъ лягушку пришить къ платью завязки, и когда та сдѣлать этого не въ состояніи, — заподозриваетъ, что платье и вообще не она шила]. Лягушка говоритъ, что никого здѣсь не было. Мужъ замѣчаетъ, что въ юртѣ пахнетъ²⁾ чѣмъ-то хорошимъ. Вслѣдствіе этого лягушка принуждена показать мѣшокъ съ якуткой [*верс. М. А.*: мужъ хочетъ развязать мѣшокъ, лягушка противится, но должна уступить]. Такимъ путемъ якутъ обнаруживаетъ присутствіе молодой, красивой дѣвушки-якутки и беретъ ее себѣ въ качествѣ второй жены³⁾.

Черезъ нѣкоторое время якутъ обращается къ своимъ женамъ (*пѣніе*): «отправляйтесь каждая къ своимъ роднымъ за подарками⁴⁾: я хочу узнать богатство вашей родни». Лягушка говоритъ: «у меня и въ морѣ и въ трясинѣ — вездѣ родня!»⁵⁾ [*верс. М. А.*: «родныхъ и кровныхъ у меня вездѣ много!»]. Якутка же сказала: «у меня и всего-то родни, что голова моей старшей сестры!» — Лягушка идетъ пѣшкомъ, якутка ѣдетъ верхомъ на лошади [*верс. М. А.*: лягушка — на крысѣ, якутка — на лошади]. Лягушка, прійдя къ озеру, наловила множество червей,

1) Якутское выраженіе: «ломаетъ себѣ кости».

2) Ср. «здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ!» русскихъ сказокъ. Но по отношенію къ якутамъ слѣдуетъ замѣтить, что поцѣлуй имъ гораздо меньше извѣстенъ, чѣмъ нюханье, какъ выраженіе ласки (и къ дѣтямъ и въ половой сферѣ).

3) Въ этомъ мѣстѣ я, слушая рассказъ, сдѣлалъ замѣчаніе: «значитъ, началъ жить, какъ татаринъ, — съ двумя женами?» — Но на мое замѣчаніе присутствовавшіе не обратили никакого вниманія. Повидимому, если теперь и установилось прочно въ понятіяхъ якутовъ единоженство, то въ сказкахъ они, еще во второй четверти XIX-го столѣтія знавшіе многоженство, сохраняютъ вполне слѣды своихъ прежнихъ брачныхъ отношеній.

4) Въ подлинникѣ *төккүттү*. Это — особый и очень оригинальный обычай. Молодая, черезъ 1—1½ года послѣ свадьбы, отправляется къ своимъ кровнымъ роднымъ, къ своимъ друзьямъ и къ своему посаженному отцу съ подарками, взамѣнъ которыхъ получаетъ, обыкновенно, втрое или вчетверо больше. Эти лица оплачиваютъ такимъ образомъ за то, что ими было получено отъ родни жениха при водвореніи невесты въ домъ ея свекра. — Подробности и анализъ — см. мою статью «Особый видъ обязательствъ въ первобытномъ правѣ: *ex donatione*», — «Этнограф. Обзоръ», 1909, кн. 1; — ср.: В. Ф. Трощанскій, Наброски о якутахъ, Казань, 1911, стр. 92; Лангансъ, Якуты, «Сибир. Вѣстн.», 1824, III. 147; Р. Маакъ, «Вилюйскій округъ», III, 96.

5) Здѣсь характерное выраженіе: басым бажабал, кутуругум кута — «море — моя голова, тряпина — мой хвостъ» или: «головой мнѣ служить море, хвостомъ — тряпина».

пiявокъ, лягушатъ и пр. [при чемъ, по версiи М. А., упустила своего коня-крысу], сдѣлала изъ жесткой травы пригонъ и загнала туда свой «скоть». Въ то же время якутка поѣхала къ дереву, на которое когда-то повѣсила голову своей сестры. Смотрить: дерева нѣтъ, на его мѣстѣ стоитъ прекрасная юрта, а вокругъ — множество рогатаго скота и коней. Входитъ она въ юрту и находитъ тамъ свою сестру. Дѣвушка спрашиваетъ: «какъ это такъ случилось, что у тебя такъ много скота?» — Старшая сестра отвѣчаетъ: «я вышла замужъ за Бѹра Дохсуна; онъ — сынъ грома»¹⁾. — Вскорѣ приходитъ Бѹра Дохсунъ и спрашиваетъ жену: «чѣмъ это у насъ въ домѣ такъ пахнетъ?»²⁾ — Жена, спрятавшая отъ мужа свою сестру, отвѣчаетъ: «я чесалась и очески бросила въ огонь: это-то и есть запахъ въ нашей юртѣ». — «Нѣтъ, пахнетъ не этимъ!» — «Я шубу шила и кусочки отвалившейся шерсти бросила въ огонь: вотъ это-то и есть запахъ въ нашей юртѣ!» — «Нѣтъ! Пахнетъ чѣмъ-то хорошимъ. . . Ты не скрывай: я не стану пожирать»³⁾. Тогда жена показываетъ свою сестру. Ее снабжаютъ большимъ количествомъ скота и провожаютъ. Ёдетъ она домой, гонить-погоняетъ⁴⁾ передъ собою полученный отъ сестры скоть. Ей пришлось ѣхать мимо озера, гдѣ сидѣла лягушка. Скоть якутки передалъ ногами всѣхъ червей и пiявокъ лягушки. Та въ сердцахъ кричитъ: «ахъ, ты, блѣдно-бѣлолицая!»⁵⁾. Остался у лягушки одинъ лягушонокъ — дѣтенышъ. Но когда онѣ прибыли къ дому своего мужа, якутка, сходя съ коня, задавила ногой послѣдняго лягушонка. Лягушка опять ругаетъ якутку блѣдно-бѣлолицею. Якуть говоритъ своимъ женамъ: «оставайтесь на эту ночь спать на дворѣ» [верс. М. А.: для того, чтобы увеличилось количество привезеннаго ими скота и платья⁶⁾]. Онѣ ложатся на крышѣ: якутка — поближе къ трубѣ, лягушка — къ краю крыши. У якутки было [привезенное съ собой отъ сестры?] платье, въ которое она и закуталась; лягушка подложила подъ себя кусочекъ мху. Черезъ нѣсколько времени якуть кричитъ: «жена моя, лягушка! гдѣ ты?» — «Ба-баг!» (звукоподражанiе). — «Жена моя, якутка! гдѣ ты?» —

1) Полный титулъ: Ёлпär ätiң уола Бѹра Дохсун. — Ёлпär (опредѣленiе грома) значить: разбухающiй, распространяющiйся, вырастающiй отъ малаго до большаго. — Личность эта играетъ роль во многихъ якутскихъ сказкахъ.

2) См. примѣч. 2-ое на стр. 463.

3) Ср. примѣч. 1-ое на стр. 460 и примѣч. 2-ое на стр. 461. — Разговора между Бѹра-Дохсуномъ и его женой въ версiи М. А. нѣтъ.

4) Ёрән-түрүжән. — Ёр — гнать передъ собою скоть; түрүжән — аллитерація къ ёрән.

5) Сирәјиң аңара кубаҕаи маҕан — буквально: половина твоего лица блѣдно-бѣла. — При чтенiи корректуры настоящей статьи В. М. Ионовъ выразилъ сомнѣнiе въ правильности построенiя «сирәјиң аңара» (половина лица) и сдѣлалъ предположенiе, не слѣдуетъ-ли читать «басың аңара» — половина головы, т. е. лице.

6) Эта версiя для меня непонятна.

«А что?..» — Въ полночь якутъ опять спрашиваетъ: «жена моя, лягушка! гдѣ ты?» — Лягушка, дрожа отъ холода, отвѣчаетъ: «бѣа-бѣбѣа!» — А якутка просто откликается. На утро якутъ опять окликаетъ своихъ женъ: якутка отзывается, лягушка молчитъ. Идутъ они и смотрятъ: лягушка лежитъ, распростершись, мертвая. Тогда якутъ зажилъ съ одною лишь якуткою. И стали они жить-поживать да добра наживать¹⁾).

(Записано 26 іюля 1890 г. въ Баягантайскомъ улусѣ).

2.

Старуха, у которой [было] 10 самострѣловъ, вышла осмотрѣть эти свои 10 самострѣловъ; [оказалось, что] умерли [были убиты стрѣлами] 10 зайцевъ; положила она ихъ въ сумку, вышла (изъ лѣсу) въ поле, и, въ то время какъ она [пѣсни] распѣвала [идучи], пришелъ Монгусъ и отнялъ у ней ея зайцевъ. Тогда старуха, заливаясь горячими слезами [въ подлин.: плача до такой степени, что слезы ея наполнили всѣ низкія мѣста и покрыли вершины холмовъ и такимъ образомъ сравняли неровности земной поверхности], запрягла своего быка-вошь въ свои сани-наперстокъ, направилась прямо-прямо на востокъ; отыскала черный камень и бросила его въ свои сани; вошедши въ воду, поймала двухъ щукъ; нашла два журавлиныхъ яйца, изъ сора какого-то жилья вытащила сломанныя иголки и шилья, — и все это побросала въ свои сани. Послѣ этого пришла домой. Черный камень положила у дверей, щукъ впустила въ ведро съ водою, [два] журавлиныхъ яйца закопала въ золу на очагѣ, иглы и шилья воткнула въ переднюю доску лавки, а, кромѣ того, двухъ рыбъ впустила въ ведро съ водою [очевидно, ошибочно повторено то, что раньше сказано о щукахъ], а сама спряталась за каминомъ, превратившись въ берестяную посудину для сора. Монгусъ, при входѣ [въ домъ], [споткнувшись о камни,] упалъ такъ, что перебилъ себѣ о камень восемь реберъ. Послѣ этого помѣшалъ огонь (въ печкѣ); тамъ два журавлиныхъ яйца ему проткнули оба его глаза [повидимому, здѣсь предполагается, что яйца отъ жара лопнули, и содержимое ихъ выжгло Монгусу глаза]. Послѣ же этого, желая промыть себѣ глаза, попалъ, въ ведрѣ съ водою, обѣими

1) Этому выраженію русской сказки соответствуетъ якутское кун бугунугар дйари бајан-тајан олороллор усу — буквально: «и, говорятъ (по слухамъ), до сегодняшняго дня они живутъ и богатѣютъ». — Тајан — аллитеративное слово къ бѣјан; но, впрочемъ, В. М. Іоновъ при чтеніи корректуры этой статьи указалъ, что существуетъ выраженіе «тајан барда» — *плавно двинулся* (наприм., о поднимающейся съ мѣста птицѣ), т. е. такое, гдѣ тајан употребляется, какъ слово съ самостоятельнымъ значеніемъ.

своими руками [вмѣстѣ съ запястьемъ] въ пасти щуки; послѣ того, намѣреваясь сѣсть на лавку, сѣлъ такъ, что насквозь пропустилъ сквозь себя иглы и шилья, и умеръ. А старуха, у которой 10 самострѣловъ [на зайцевъ], и по нынѣшній день живетъ да поживаетъ, да добра наживаетъ.

(Записано 26 іюля 1890 г. въ Баягантайскомъ улусѣ).

Интересно отмѣтить, что въ обоихъ приведенныхъ разсказахъ фигурируетъ черный камень, а также и иглы съ шильями.

Монгусъ — мифическая личность, одинъ изъ богатырей якутскихъ сказокъ, отличающійся обжорствомъ. Эпитетъ его: ала — *пестрый*.

Якутскъ, 1891 г. 1).

Н. Виташевскій.

1) Въ примѣчаніяхъ въ настоящее время, при печатаніи, добавлены лишь указанія на литературу позднѣйшаго времени. — Статья эта просмотрѣна въ корректурѣ моими товарищами по изслѣдованію быта якутовъ, В. М. Іоновымъ и Э. К. Пекарскимъ; большинствомъ сдѣланныхъ ими мнѣ указаній я съ благодарностью воспользовался, о чемъ считаю долгомъ здѣсь упомянуть.